

Ларина Евгения Сергеевна

Рег. № 3175

г. Москва, "Школа 1434 "Раменки"
11 кл.

Ак

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

школы _____

вход 10⁵⁸-11⁰⁰

Ак

51764

*Анализ рассказа „Рисунок первом“
С. Криминоловского*

Перед нами рассказ отечественного писателя-прозаика С.Д. Криминоловского „Рисунок первом“. В широком смысле темой этого произведения можно назвать творчество и его природу. Помимо, к ней обращалась едва ли не каждый писатель, в том числе и сам С.Криминоловский, например, в рассказе „Тусь“. Священная тема для любого творца тема творчества раскрывается через то что все священное и дорогое образ Тушикова. Таланто в XIX веке к нему обращались поэт Ахматова, М.Чемесова, В.Маяковский, которых из них он был по-своему близок. В рассказе „Рисунок первом“ мог увидеть, чем является для С.Криминоловского образ Тушикова и это о чём с его помощью хочет сказать автор.

Внагале обратим внимание на более построение произведения. Его например или под склоняется в финале сам автор: „научился фантастический рассказ“. В самом деле, элементы фантастики и мистики пронизывают

+ всё произведение
было рассказано. Основная часть действий проис-
ходит в совершенно фантастическом простран-
стве - на листе бумаги. Там описывают рисунки,
появляются ~~откуда~~^{помогают} нарисованное пёстрыми ру-
кими новые штрихи, описывают строчки стихо-
творений, герои перемещаются из реального
пространства в фантастическое. Между ил-
люсией не существует преград, происходит сво-
бодный обмен. Художественное время всегда за-
пространством становится переходным, со-
существующим с границами: в нём сосуществу-
ют современники автора, Пушкин и миро-
логический Гений.

+ Или же напоминает не только
само разворачивающееся действие рассказа,
но и отсылки к «Медному всаднику»,
«Грабовицкому». Эти произведения А. С. Пушкина
также построены на приёме мистического:
за Евгением гонится панический императору
Петру, а грабовицк, как и герой. Рисунки не-
редко видят солнце, пылью сверхъестественного.
Мне кажется, что С. Кречинсановский постро-
ил свой рассказ на фантастическом событии

рационального

потому, что говорить о таком иррациональном процессе, как творчество, просто невозможно. Это заставляет писателя прибегать к образности, многозначности, иносказательности изображения фантастических событий.

В композиции рассказа присутствует гость в аулах ображения к мистическому приему ображения: повествование начинается и заканчивается в кабинете директора ~~Бутырского~~ ^{отдела} Далева, в окружении ободренных вещей: часов, бумаг, письменов. Основную же гостя рассказа занимает событие сна Далева. При этом читатель не сразу может прояснить грани между концепцией реальности ^(БУ) и насилием сна ^{или}, в тексте она даже не выражена обозначена («Он сделал ужин раскрытие шара. Что за диковина?»). Благодаря фразе, что Далев раскрыл шар, сконструируется впечатление, что проникновение фантастики в реальность, читатель до последнего не может быть уверен, сон ли видят Далев ~~или~~ чудо. Эта зловещесть реальности паряду с бесконечной неопределенностью

времени и пространства готовым, душу) и сознание читателя к восприятию образов без причины обдуманного рационализма, в шире природы творчества он имеет бесприметное понимание.

Однако пора сказать о герое рассказа. Все они имеют отношение к литературе и творчеству, но весьма опосредованно: Давид и профессор Троцяновский исследуют, занимается литературоизведением, самосейский, правда, поэт, но сама его фамилия говорит о характере его дара. С одной стороны, звонкая и довольно благозвучная (по сравнению с совершенно противостоящей "Троцяновской"), она, с другой, воззывает ассоциации с самосевом, самоубийством, вскоккой. Совершенно противная всем законам природы и языка фамилия Троцяновского наводит на мысли о роде его занятий: не так же ли противостоящина сама идея до-
помогавшаяся такого гада рожденные занятия поэта?

+ В начале рассказа моя наблюдение, как

директор Даль занимается подобной деятельностью. Он пишет следов вианца мифологии на „Медного всадника“ Пушкина. В статье о пушкинской поэзии мы читаем дохристианский мир о Григории. Даль вспоминает в свои рассуждения длиннейшие киты параллелей, соединяющие Медного всадника, Георгия Победоносца и героя древнего мира, ~~всегда~~^{избранный} змея, „духовъ вѣдъ“ и, как можно продолжить, ведовъ Ригемона. „Медный всадник“ в интерпретации Далька становится неожиданным иносказанием дохристианского мира.

Дальку, однако, намечали дописать вводную из его рассуждений, они обновляются на фразе „Такими образом, если...“. Тогда будем подготовиться за него. Получается, что Медный всадник, подобно Георгию Воину, „поправил венок“ и спас людей от терроризированности?

Но не обратное ли утверждается в самой поэзии? Всадник, Пётр, вовсе не укротил венок, ~~а~~ а спровоцировал те самые человеческие терроры. Не потому ли Даль вторую неделю не может дописать статью, и не потому

затем ни "принять во внимание", ни
"непомня на"? Правда, он и сам чувствует
радость своей работы, гордится, передаётся.
Я ещё, он тот герой, которого действитель-
но любят Тушикина ("Давя всё ещё сидел
на истами своих любимых панок").
Возможно, поэтому именно ему будем ^{дан}
увидеть и понять правду о творчестве Тушики-
на в своём сне.

Любимог, возникшие в статье Донева,
продолжают писать и в его стихах вается в
образ загадочного коня без всадника. Топран-
ная змия у его коня сцепляется с хвас-
тами коня, "горнильное пронзя" пушкин-
ского распирка поднимает его "всеко над
нижними краями истам". Скагдается об-
раз пронзатого коня Гераса - образ, издревле-
го и павших связанный с памятью твор-
ческой души. Он олицетворяет ту тайну
творчества, которую ~~быть~~ ^{из-за} её неразгадан-
ности мы называем вдохновением или
поэтическими дарами. У него есть пронзя,
чтоб парить над долинами широки, и та

ио венце змей", чтобы обратить слово в смысль.

+

Вскоре в мире рисунков первым появляется Троцкий и Саломеяский. Тот выражает их неприветливо: «Она они были покровом гернианских бронзовых птиц», их однажды сразу же теряет сама королева, словно обманув пред зрителями читателями правду о них. ~~Но~~ Мир вдохновения и чистого наслаждения души не терпит фальши, которой, как понятно, давно покровы и души, и мысли нации недолговечны. Они не погибают природой творчества, но гибнут за неё, ~~и~~ Эта погоня ~~выводит~~ ^{высаживает?} их из сил, а те всё же видят, ^{то} ~~и~~ ^и ^{Дотронувшись до стихов, они рассеялись} ^{всех, убийца} ^{тот их.} ненужная доминантность, копание в отвратительных местах мало-ко уводят их от ~~жизненного~~ смысла. У них нельзя постигнуть тайны пульсирующей природы, либо в микроскоп, так и таинству творения не приближаться, зная где и место создания.

В противоположность образам Троцкого и Саломеяского возникает образ самого Пушкина. Его появление величественно, действия изящны и непринуждены. В контрасте

+

с сумкой двух других герояв это еще больше подчеркивает человечность последних и величию поэма. В отличие от них, в этом мире он свой, ~~на~~ германской рисованной мир ему рад. Он ~~проходит~~ среди павловых кустов (павр - символ счастья), по "змеевидной дорожке" (мотив змеи сопровождает поэма и здесь). Он ~~проходит~~ среди павловых кустов по "змеевидной" дорожке с "расщерками надежности трещин". Мне кажется, эти лирические обрисованы судьба поэма, и не только Тушикова, а поэма вообще: слава и признания через сломанной жизненной и творческий путь.

Образ Тушикова ярок и светел, ~~но~~ несмотря на то, что сравнение с книжкой, которое, на мой взгляд, подчеркивает в первую очередь его непринуждённость, безискусственность. Именно этого в своих исследований ~~же~~ так хотят, пусть неосознанно, миновать его профессор. С образом Тушикова связана постоянная улыбка, весёлость, тогда как профессор и ему подобные ищут непринуждённости, атмосферы замкнутого для поэти-

теница тех тайн творчества, над которыми саны обдума.

Противопоставление образов Тушикова и непримечательных гостей его мира воспринесено даже в речи героя. Если ^{профессор} ~~последние~~ говорят заискивающе („маленьку справочку, такую одну справочку...“), то речь Тушикова спокойна, преста, доверительна. Стоит заметить, что его „бесконечно милой сердцу“ голос звучит только после того, как поэт садится на покорного ему Лягушку. Словно бы он обременяет голос, дар слова в сознании и гармонии с неведомой силой творчества. *

Это подводит нас Образы прошлого героя и Тушикова подводят нас к основной идеи рассказа — идее естественности, непринужденности и открытости, лежащей ^и в основе творческого начала. Не написание в борюхе малогой и не разматывание нити ассоциаций приведут к пониманию творчества, а искать к нему, восприимчивость к миру. Кто, болончагающий тайну вдохновения, покорился ласке и искоби, но не подпустил к себе ~~человека~~ из

и обобщества.

* Творца о событиях сна, что на время вынуждены из виду отложить свое стечениес зрителем Донева. Что изменяется в них после посетившего его откровения? Он ^{умеет не} пишет ~~статьи~~ статьи, не ищет всеми правдами и неправдами обяснения литературных образов, не вспоминает о «Медном всаднике» и дохристианском Георгии. Он пишет свой рассказ. Что как не это подскажет нам, что виденное во сне привело его наконец к пониманию творчества!

После анализа событий и образов в рассказе «Рисунок перед» основная авторская мысль видится в том, что творчество - это таинство, которое не терпит приезжей ^и изучения и открывается только открытым ^в открытым духом. Такая точка зрения кажется мне более правдоподобной, чем сам С. Ершов, который в годы написания этого рассказа ^и болезненно занимался литературоведением. Ведь болезненное занятие не может добрить душу, правда? Поэтому этот биографический

кий фрагмент говорит в пользу отрицательной трактовки образов исследователей в эпизоде рассказа. Тушикин же - образ, через которого передаётся идея истинного творчества. Надо сказать, С. Кирсановский не единок был в своей мнении. Маяковский, пусть и не самой близкой Кирсановскому писателю, в «Юбилейной» +
воскликнувши: «Всказывается ты же любовь к Тушикину писателю и пренебрежение к сухому конанито в его стихах
помалкам».

Что же касается названия рассказа, мне кажется, в нём утверждается: пусть любое творчество; стихи, статьи, рассказы - будем такие же лёгкие, непринуждённые и прелестные в своей налёте, как росперк перан.

* Но если Тушикин - фигура в чёрной спортивке, то кто же его величественной ступни в белой тоге, степенной и магической? Мне кажется, этот образ допускает разные трактовки, но мне в нём видится урань самой множества Тушикина, её самого ^{аэ} возбужденного, ^{аэ} отвлечённого от мира газет. Подобно тому,

как у коня есть крошка и хвост-змея, в образе
тигрина может быть сторона более челове-
ческая, плавая, подвижная и сторона быстрая.

Ватошев Ф.Р.

Храмцова Р.Ф.

Сурик И.И.

$25 + 15 + 7 + 10 + 4 = 61$

К1: не все отмеченные отверстия раскро-
ваются так легко, чтобы огнеупорный оболи-
к "зажигался".

К3: допущенное отдельное неточности.